

Богословско-гимнографические интерпретации Недели Всех Святых

Theological and Hymnographic Interpretations of All Saints' Sunday

Interpretacje teologiczno-hymnograficzne Niedzieli Wszystkich Świętych

прот. Адам Магрук

Христианская Богословская Академия, Варшава, Польша

0000-0001-9468-624X

admagruk@wp.pl

Abstract:

The article is dedicated to All Saints' Sunday in the Orthodox tradition, analyzing its place in the liturgical and theological context. The aim of the study is to present this feast as a synthesis of the Church's teaching on holiness and as an expression of the faithful's participation in the spiritual current of liturgical prayer. Drawing on an analysis of the historical and dogmatic background, as well as on hymnography, the author presents the multifaceted character of All Saints' Sunday as the culmination of the Holy Spirit's activity in the Church and as confirmation of the universal call to holiness. The work is based on a study of hymnography as well as on the interpretation of images and hagiological motifs, pointing to the close connection of the feast with the whole economy of salvation. The main conclusion is that All Saints' Sunday constitutes both a theological synthesis of the Church's tradition and a living manifestation of the community's spiritual experience, introducing the faithful into the mystery of the saving presence of the Holy Spirit and emphasizing the fundamental role of holiness in the Christian existence.

Streszczenie:

Artykuł poświęcony jest Niedzieli Wszystkich Świętych w tradycji prawosławnej, analizuje jej miejsce w kontekście liturgicznym oraz teologicznym. Celem badania jest ukazanie tego święta jako syntezy nauki Kościoła o świętości oraz jako wyrazu uczestnictwa wiernych w duchowym nurcie modlitwy liturgicznej. Autor, bazując na analizie tła historycznego, dogmatycznego oraz hymnografii, prezentuje wielowymiarowy charakter Niedzieli Wszystkich Świętych jako kulminacji działania Ducha Świętego w Kościele i potwierdzenia uniwersalnego powołania do świętości. Praca opiera się na badaniu hymnografii, interpretacji obrazów i motywów hagiologicznych, wskazując na ścisły związek święta z całą ekonomią zbawienia. Głównym wnioskiem jest stwierdzenie, że Niedziela Wszystkich Świętych stanowi zarówno teologiczną syntezę tradycji Kościoła, jak i żywy przejaw duchowego doświadczenia wspólnoty, wprowadzając wiernych w misterium zbawczej obecności Ducha Świętego i podkreślając fundamentalną rolę świętości w chrześcijańskiej egzystencji.

Аннотация

Статья посвящена Неделе всех святых в православной традиции, анализирует её место в литургическом и богословском контекстах. Цель исследования – показать этот праздник как синтез церковного учения о святости, а также как выражение участия верующих в духовном потоке литургической молитвы. Опираясь на анализ исторического и догматического фонов, а также гимнографии, автор представляет многогранный характер Недели всех святых как кульминацию действия Святого Духа в Церкви и подтверждение универсального призвания к святости. Работа основана на исследовании гимнографии, интерпретации образов и агиологических мотивов, что указывает на тесную связь праздника со всей экономией спасения. Главный вывод состоит в том, что Неделя всех святых является как богословским синтезом церковной традиции, так и живым проявлением духовного опыта общины, вводя верующих в таинство спасительного присутствия Святого Духа и подчёркивая основополагающую роль святости в христианском существовании.

Keywords:	All Saints' Sunday, Orthodox Church, holiness, liturgy, Pentecost, hymnography, martyrs, Holy Spirit, spiritual tradition.
Słowa kluczowe:	Niedziela Wszystkich Świętych, Kościół prawosławny, świętość, liturgia, Pięćdziesiątnica, hymnografia, męczennicy, Duch Święty, tradycja duchowa.
Ключевые слова:	Неделя всех святых, Православная церковь, святость, литургия, Пятидесятница, гимнография, мученики, Святой Дух, духовная традиция.
Cite this article / Cytowanie:	Magruk, A., (2025). Theological and Hymnographic Interpretations of All Saints' Sunday. <i>Elpis</i> , 27: 156–165. https://doi.org/10.15290/elpis.2025.27.1
Licence / Licencja:	© Copyright 2025 Адам Магрук

Введение

Неделя всех святых в Православной Церкви празднуется в первое воскресенье после Пятидесятницы. Её богословское значение и литургическая гимнография сосредоточены на кульминационном проявлении плодов действия Святого Духа в Церкви, а также на указании конечной цели христианской жизни, которой является достижение состояния святости. Несмотря на различие дат и форм празднования, как восточная, так и западная традиции признают культ святых одним из фундаментальных оснований своей духовной идентичности и практики.

Анализ места и роли этого праздника в православном литургическом году выявляет его глубокую связь с целостной экономией спасения и духовным опытом церковной общины. Богословский аспект Недели Всех Святых неразрывно связан с богатством гимнографии, которая – используя широкий спектр образов, метафор и агиологических типов – вводит верующих в таинство спасительного присутствия Святого Духа и в универсальное призвание к святости.

Цель настоящего исследования – показать Неделю Всех Святых как праздник, который одновременно является богословским синтезом учения Церкви о святости и живым выражением участия верующих в духовной традиции литургической молитвы. Работа охватывает как исторический и догматический фон, так и анализ гимнографии, позволяющий раскрыть целостный смысл и послание этого особого дня в византийской литургической традиции.

История возникновения совместного дня памяти Всех Святых

На данный момент научные исследования не позволяют с полной уверенностью определить, когда день Всех Святых был окончательно включён в литургический календарь Православной Церкви. Один из наиболее выдающихся греческих литургистов XX века, Иоаннис Фундулис, утверждает, что его изначальной формой был праздник, известный под названием «Всех мучеников» (Φουντούλης, 1984, с. 134). Первые формы почитания святых в восточной традиции были

сосредоточены первоначально на мучениках – как это было, например, в Антиохии (Kowalczyk, 2009, с. 8) – что отражало опыт гонений в первые века христианства. Это подтверждает, в частности, проповедь великого проповедника Константинополя святителя Иоанна Златоуста (IV в.), произнесённая через восемь дней после Пятидесятницы (Χρισοστόμου, 1862, кол. 705–712). Это свидетельство особенно ценно, поскольку показывает, что уже в IV веке существовала традиция празднования общего праздника мучеников в период после Пятидесятницы, что является прямым прецедентом для нынешнего праздника Всех Святых.

В Эдессе этот же праздник отмечали 13 мая, а в Сирии – в пасхальную пятницу (Nadolski, 1991, с. 165). Шестой день октавы Пасхи также в никомедийском календаре был временем особого поминовения «Всех Святых Исповедников» (Lukashevich, 2001, с. 706–707). Разнообразие дат молитвенного празднования в различных регионах восточного христианства указывало на живость культа святых. Иллюстрируя литургические обычаи V–VII вв., грузинский перевод *Иерусалимского лекционария* упоминает 22 января как дату памяти мучеников. Этот же исторический памятник письменной культуры ещё отмечает 16 апреля, когда вспоминались апостолы и все святые, принявшие их учение (Lukashevich, 2001, с. 706–707). В свою очередь, датированный X веком константинопольский *Типикон* предписывает совершение Всенощного Бдения в храмах Премудрости Божией, а также Святых Мучеников. Ключевую роль в окончательном оформлении праздника сыграл император Лев VI Философ (IX/X вв.), чьи личные религиозные переживания повлияли на развитие этого культа. Никифор Ксанфопулос полагает, что после смерти супруги Теофано, император, убеждённый в её святости, пожелал построить храм в её честь. Однако после консультаций с иерархией, указывавшей на неуместность такого шага, этот храм в итоге был посвящён Всем Святым. Тогда Лев якобы произнёс такие слова: «Если и Теофано святая, пусть будет причислена к ним» (Φουντούλης, 1984, с. 134–135). Автор *Синаксарии* с полной уверенностью утверждает, что именно в правление этого римского императора из македонской династии этот праздник был окончательно установлен и закреплён в таком литургическом порядке, который соблюдается до сегодняшнего дня (*Synaksarion Niedzieli Wszystkich Świętych*).

Для полного понимания специфики восточной традиции необходимо также обратиться к развитию праздника на Западе, где он эволюционировал иначе. Первые упоминания о существовании подобного праздника относятся, примерно, к V/VI вв. Также известно, что уже в начале VII века папа римский Бонифаций IV освящает Пантеон – римский храм, посвящённый всем богам, особенно неизвестным, который был передан ему императором Фокой – в честь Пресвятой Девы Марии и Всех Святых Мучеников. Тогда за дату праздника было выбрано 13 мая (Lukashevich, 2001, с. 707).

Живший в VIII веке, папа Григорий III в Базилике св. Петра в Риме в течение своего понтификата открыл часовню, посвящённую Всем Святым, включая мучеников, а его патрональный праздник был перенесён с мая на 1 ноября. Нельзя исключать, что, с одной стороны, причиной такого решения были трудности с обеспечением питанием огромной массы паломников, прибывающих в Рим весной; с другой – христианизация языческих обрядов, отмечавшихся на рубеже октября и ноября (Lukashevich, 2001, с. 707). Это был также день, призванный напоминать верующим о годовщине освящения упомянутой часовни. Примерно, в то же время и с той же датой праздник появляется в Англии (Nadolski, 1991, с. 165), а в начале IX века – также

в Баварии и Ирландии. Однако, лишь папа Григорий IV в 835 г. официально ввёл в календарь празднование «Всех Святых» в эту же дату (Niedźwiecki, 2003, с. 138). Одновременно праздник был возведён в ранг «Торжества». Чтобы понять его положение в Римо-католической Церкви, достаточно вспомнить Вознесение Господне, Успение Пресвятой Богородицы или день Пресвятого Тела и Крови Христовых, относящиеся к этой же категории литургических праздников (*Ogólne wprowadzenie do Mszału Rzymskiego...*, 2022, с. 23). Согласно решению другого папы – Сикста IV (XV век), «Всех Святых» также должно иметь свою октаву.

Следует добавить, что первоначально в западной традиции канун Торжества «Всех Святых», то есть 31 октября, был постным днём (Lukashevich, 2001, с. 707), что свидетельствует о значимости и сущности праздника в литургической иерархии Церкви. Вместе с кануном Рождества, Пятидесятницы, Успения и важнейшими апостольскими праздниками, канун Всех Святых входил в число самых важных постных дней церковного календаря (подробнее см.: Plese, 2020).

Место праздника в литургическом календаре и его послание

По мнению отца исихазма, святителя Григория Паламы, лишь те, кто очистит от всякой скверны тело и душу и будет хранить язык свой от лжи, осуждения и порочащих слов о ближнем, достойно почтят память святых. В противном случае, как учит греческий иерарх в проповеде, произнесённой в Неделю Всех Святых, Бог обратится к нам со следующими страшными словами: «Почему ты осмеливаешься призывать имена святых и рассказывать о их жизни, полной добродетели и чистоты? Ведь ты сам возненавидел добродетельную жизнь и отверг чистоту тела и духа» (Палама, 1985, с. 145–147). Фессалоникский иерарх указывает, что ни Бог, ни Его святые не принимают молитв, исходящих из уст людей, пребывающих в состоянии духовной нечистоты. Подобно тому, как человек не пользуется нечистой рукой до её омовения, так и Бог не принимает жертв, связанных с нечистым телом и устами, пока не произойдёт их очищение. «Потому что – пишет он – грех, обман, ложь, зависть, ненависть, алчность, предательство, бесстыдные помыслы и сопутствующие им слова являются более отвратительными, чем всякая внешняя нечистота. Очищение от этого состояния возможно через покаяние, исповедь, совершение добрых дел и усердную молитву к Богу» (Палама, 1985, с. 147). Возможность внутреннего очищения человека – как души, так и тела – является плодом действия Третьей Божественной Ипостаси. Именно Утешитель, ниспосланный в день Пятидесятницы, непрерывно действует в мире и в сердцах верующих, иницируя путь обращения и преображая тех, кто отвечает на Его призыв к покаянию. Дух Святой – податель мудрости, просвещения и духовной силы, позволяющей преодолеть грех и вступить на путь благих дел и усердной молитвы (Рим 8, 13–14, 26–27; Гал 5, 22–23)¹. Пятидесятница, являясь моментом ниспослания Святого Духа человечеству, – источник и начало всякой подлинной святости, без которой невозможно истинное очищение сердца и достойное участие в жизни Церкви. Таким образом, очищение, о котором говорит Палама, представляет собой не исключительно

¹ Цитаты из Священного Писания приведены по: *Biblia Tysiąclecia. Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu*. Poznań: Pallotinum, 2000, *Pismo Święte Nowego Testamentu*, Warszawa: Warszawska Metropolia Prawosławna, 2023.

человеческое усилие, а отклик на дар, благодать и действие Святого Духа, Чье присутствие в Церкви началось в день Святой Троицы, и Кто с тех пор постоянно ведёт верующих к преображению и обожению.

Именно эта тесная связь с Пятидесятницей является первой из многих причин, по которым Восточная Церковь установила поминовение всех святых в девятое воскресенье после Пасхи. Параклет, наделяя мудростью и просвещением учеников Христовых, а через них – весь мир, ведёт человека к спасению либо путём мученичества и пролития крови, либо жизнью, в которой живы понятия благочестия и чистоты (Παπαδημητρίου, 2002, с. 271). Можно смело утверждать, что святой – это «плод» непрерывного действия Третьей Ипостаси Святой Троицы. Неделя всех святых, таким образом, предстаёт как естественное следствие событий, произошедших в Сионской горнице (Деян 2, 1–13).

Во-вторых, в церковной традиции существует глубокое осознание того, что святость не является исключительной прерогативой лишь канонизированных и поимённо упомянутых в календаре святых, но включает и всех, кто вёл жизнь, отмеченную аскетическим трудом, жертвенностью и бескорыстным служением Богу и ближнему, но остался безымянным в человеческой истории. Исторические, культурные или географические обстоятельства зачастую мешали официальному признанию некоторых лиц святыми или составлению их житий, что, однако, не уменьшает истинного свидетельства их веры и христианского героизма. По этой причине Церковь, осознавая ограничения процесса канонизации и принимая убеждение о существовании бесчисленного множества «анонимных» святых (Αγίου Λουκά, 2002, с. 269), установила общий праздник всех святых, во время которого их память призывается вместе с официально прославленными (Παπαδημητρίου, 2002, с. 272).

Третьим основанием для установления общего праздника всех святых является указание на то, что каждый святой, вне зависимости от исторической эпохи, происхождения или жизненных обстоятельств, целиком и полностью посвятил себя одному и тому же Христу. Тем самым подчёркивается единство духовного пути каждого святого, чьи аскетические труды и героические свидетельства веры складываются в мозаику общего устремления к участию в таинстве Сына Божия. Этот пример становится для верующих не только предметом почитания, но и мотивирует к совершению собственных поступков – в соответствии с индивидуальными возможностями, призванием и склонностями – на пути реализации христианской святости (*Synaksarion Niedzieli Wszystkich Świętych*).

Ошибкой было бы проигнорировать тот факт, что рассматриваемое воскресенье венчает долгий, длящийся более 130 дней, литургический период православной традиции. Он включает подготовительные недели перед Великим Постом, период Святой Четыредесятницы, Страстную Седмицу и Пасху. Всё это время представляет собой многоэтапный путь к святости, который систематически раскрывается верующим через определённые отрывки и литургические чтения. Пренебрежение этим контекстом приводит к снижению понимания значения данного воскресенья в общей структуре литургического года, а следовательно – к неполной интерпретации духовного послания этого периода.

Неделя о Закхее (Лк 19, 1–10), открывающая подготовку к «Духовной Весне», ясно указывает, что началом постного пути становится преодоление стыда перед публичным исповеданием веры во Христа. Закхей, несмотря на общественное осуждение, проявляет готовность встретиться с Иисусом. Следующее воскресенье – мытаря и фарисея (Лк 18, 9–14) – подчёркивает фундаментальное значение смирения и искреннего покаяния, признания собственной слабости, отвержения гордыни и доверия Божьей милости. Неделя о блудном сыне (Лк 15, 11–32) учит тому, что не менее важным признаком святости христианской жизни является мужество признать ошибку и искреннее стремление вернуться к Отцу. В Неделю Страшного Суда (Мф 25, 31–46) Церковь акцентирует внимание на практическом измерении духовного подвига – в способности видеть Спасителя в ближнем, особенно в делах милосердия: накормлении голодных, приёме странников, посещении больных и заключённых. Последнее воскресенье перед началом Великого Поста напоминает о значении примирения и прощения как неотъемлемых условий жизни по Евангелию (Мф 6, 14–15).

Дни Святой Четыредесятницы призваны напомнить, что христианская святость тесно связана с евангельской практикой поста и молитвы (Мф 6, 16–18), тогда как Страстная Седмица раскрывает смысл истинного следования за Христом: полная готовность к жертве, соучастие в страданиях и надежда на новую жизнь. Вознесение указывает на окончательную цель человеческих стремлений – единение с Богом и участие в Его славе (Деян 1, 9–11; 1 Фес 4, 16–17). Пятидесятница и последующее за ней воскресенье напоминают, что жизнь по Духу – это плод Его действия: Он обновляет сердце, укрепляет в вере, вдохновляет к любви (Деян 2, 1–4; Гал 5, 22–23).

Из сказанного однозначно следует, что святость не сводится к выполнению какого-либо одного условия, но предполагает необходимость целостного воплощения всех перечисленных добродетелей и практик. Соответственно, весь рассматриваемый литургический период представляется как целостный путь, на котором отдельные этапы взаимно дополняют друг друга и обуславливают достижение конечной цели христианского духа.

Совершенный пример осуществления святости в земной жизни показал Сам Божественный Учитель. Евангельский отрывок, читаемый в храмах в Неделю Всех Святых (Мф 10, 32–33. 37–38; 19, 27–30), наглядно раскрывает фундаментальные требования к ученику Христову. Исповедание веры и верность Божественному Учителю ставятся в центр наставления, становясь условием признания самим Спасителем в эсхатологическом измерении. Иерархия ценностей обозначена чётко: любовь ко Христу должна быть выше даже семейных уз. Поэтому святой Максим Исповедник говорит: «Человек, который любит Бога, не может поступать иначе, как любить каждого человека как самого себя» (Ομόλογητοῦ, 1865, кол. 964). Готовность нести свой ежедневный крест отождествляется с полным и добровольным участием в миссии Христа. Символика креста и призыв «не стыдиться» имени Божиего Сына подчёркивают радикализм предания себя и необходимость полного подчинения своей жизни Евангелию, что также отражено в обещании духовных благ и вечной жизни для верных учеников.

Литургические чтения в этот день включают также отрывок из *Послания апостола Павла к Евреям* (11, 33–12, 2), акцентирующий преемственность свидетельства веры от ветхозаветных

времен до христианства. Описание многочисленных страданий и гонений святых выделяет мученичество как образец радикального свидетельства, а призыв к стойкости, подражанию Христу и устремлённости к эсхатологической награде подчёркивают сущность святости как активного и настойчивого соучастия в деле Божьего спасения.

Богатство тематического содержания гимнографии праздника

Литургические тексты Недели Всех Святых – тропари, стихиры, каноны и иные формы гимнографических произведений – воплощают целостное богословское видение, гармонирующее с основной концепцией праздника как манифестации прямого плода действия Святого Духа в христианской жизни. Их анализ требует теолого-литургического подхода, который учитывает как догматические основания гимнографии, так и её функцию в контексте литургического празднования.

Первая неделя после Пятидесятницы в своей сложной структуре оттеняет и систематизирует многогранную типологию святости в духе восточнохристианской традиции. В первую категорию включаются представители церковной иерархии – евангелизаторы-священники, именуемые «соединяющими небо с землёй богомудрыми священниками» (*Triod' Cvetnaja*, с. 272), а также «священники-мученики» (*Triod' Cvetnaja*, с. 271). Святители изображены как «молящиеся ко Христу о мире, победе над врагами и великой милости для человечества», а также как хранители вероучительного достояния (*Triod' Cvetnaja*, с. 288). Учителя показаны заботящимися о чистоте догмата и правосмыслии, а также «способными вымолить мир для церквей и победу над врагами для народа, любящего Христа» (*Triod' Cvetnaja*, с. 273).

Праведные миряне это те, кто достиг святости в повседневности, не оставляя своих земных обязанностей (*Triod' Cvetnaja*, с. 273), а святые женщины подчёркивают женское измерение святости (*Triod' Cvetnaja*, с. 274). Особую категорию составляют укоренённые в символике и парадигме чистоты девы-мученицы, «непоколебимо подражающие (...) как написано в псалме Спасителя» (*Triod' Cvetnaja*, с. 278).

Самую многочисленную и часто упоминаемую группу святых в анализируемых богослужебных текстах составляют мученики. Гимнография представляет их прежде всего как героических свидетелей, проливших кровь (*Triod' Cvetnaja*, с. 272), подчёркивая их фундаментальную роль в утверждении церковного сообщества свидетелей веры. Литургическая поэзия в возвышенном и мужественном тоне восклицает: «Возжённые огнём Божией любви, вы презрели пламя, и когда сгорая, как Божии угли, почтённые мученики во Христе сожгли вы тернистые обманы гордыни, затворили уста зверей почтённым призывом и через отсечение голов крушили полки врага, терпеливо проливая потоки крови, напоили Церковь, озарённую верой» (*Triod' Cvetnaja*, с. 271).

Богословие мученичества в воскресной гимнографии выходит за рамки поверхностного понимания страдания только как физической боли. Мученики представлены как «возжённые огнем Божией любви, презревшие пламя» (*Triod' Cvetnaja*, с. 271). Парадокс «огня любви»,

противопоставленного «пламени» гонений, раскрывает духовную природу мученичества – мучеником делает не само телесное страдание, а любовь ко Христу, преображающая боль в совершенную жертву любви. Христоцентричный характер мученичества дополнительно подчёркивается образом мучеников как «Божиих углей» (греч. *θεῖοι ἀνθρακες*), «сжигающих тернистые уловки гордыни» (*Triod' Cvetnaja*, с. 271). Эта метафора явно отсылает к видению пророка Исайи (Ис 6, 6–7), где горящий уголь очищает пророка от греха. В гимнографии мученики становятся очищающими не только себя, но и всю Церковь, сжигая своей жертвой «обманы гордыни». Особенно глубокий смысл несёт утверждение, что все святые «стали соучастниками страданий Христовых» (*Triod' Cvetnaja*, с. 279), не только следуя за Сыном Божиим, но по-настоящему участвуя в Его Пасхальной тайне. Гимнография Недели всех святых последовательно показывает их неотъемлемой частью Церкви, подчёркивая их значение для экклезиологии и домостроительства спасения. Мученики называются «основанием Церкви, а также венцом учения» (*Triod' Cvetnaja*, с. 272). Аналогия с фундаментом раскрывает ключевую, структурную роль свидетелей веры для строительства церковного единства. Без их свидетельства Церковь не имела бы прочного основания ни в догматическом, ни в сущностном измерении. Эту мысль усиливает и заключает главный тропарь праздника: «В целом мире, как пурпуром и вишнею, украшен Твой Церковь кровью Твоих мучеников. Потому взывает к Тебе, Христе Боже: ниспошли щедроты Твои народу Твоему, даруй мир наследию Твоему и душам нашим великую милость» (*Triod' Cvetnaja*, с. 275–275 на обороте).

Каждая перечисленная группа не раз упоминается в различных литургических контекстах, что воплощает комплементарность различных жизненных состояний по отношению к единому источнику освящения – действию Христа в Духе Святом. Такая широкая агиологическая панорама, вне сомнений, служит литургическим проявлением принципа: «святость всеми и во всех» (греч. *αγιότης κατὰ πάντας καὶ διὰ πάντων*) (ср. Еф 4, 6) – объединяя как диахронический аспект (хронология истории спасения), так и синхронический (разнообразие харизм) в опыте церковной святости.

Молитвенные гимны богослужения ясно показывают центральную роль Святого Духа как источника и динамической силы святости. Этот пневматологический акцент выражен в описании апостольского служения, где ученики Христовы называются «органы Духа, движимые крепостью веры» (*Triod' Cvetnaja*, с. 271). Определение «органы Духа» (греч. *ὄργανα τοῦ Πνεύματος*) подчёркивает инструментальный характер апостольской святости, указывая на синергию человека с действием благодати. Апостолы не пассивны в деле освящения, а становятся сознательными и активными орудиями действия Третьей Ипостаси Святой Троицы. Дальнейшее развитие этой пневматологической темы проявляется в описании миссии апостолов: «разошлись вы до концов земли, сея святое проповедание Православия, из него же Богом выращенное и благодатью возникло воинство мучеников» (*Triod' Cvetnaja*, с. 271), – торжественно возвещает автор одной из стихир великой вечерни. Метафора сеяния подчёркивает, что кериigma Евангелия – не просто человеческое дело, а реальное действие Святого Духа через апостолов. Образ «Божьей пашни» (греч. *θεῖα γεωργία*) явно соотносится с патристической аграрной метафорой, где Дух Истины возделывает поле человеческого сердца, готовя его к принятию семени Слова Божия и принесению плодов святости.

Литургическая поэзия девятой недели после Пасхи раскрывает также яркий срез аскетически-мистической стороны святости, особенно в образах святых аскетов и пустынников, которые «истомили свои тела постом и умертвили страсти, окрыляя ум любовью Божией» (*Triod' Cvetnaja*, с. 273 на обороте). Аскетическая святость строится на глубокой перемене мышления и внутреннего мира (греч. *μετάνοια*), переходе от плотской перспективы к духовной. Аскеты представлены как титаны духа, которые «через пост увяли неукротимые позывы плоти и теперь, озарённые светом бесстрастия, приняли награду за труды» (*Triod' Cvetnaja*, с. 280–280 на обороте). Стоит подчеркнуть, что бесстрастие (греч. *ἀπάθεια*) здесь не означает равнодушия, а внутреннюю преображённость чувств и желаний по воле Божией.

Послание литургических текстов также не избегает эсхатологической перспективы, предполагая святых как участников ещё не полностью осуществлённого царства Божия. Святые названы «наследниками обителей небесных» (*Triod' Cvetnaja*, с. 280 на обороте). Тематика «наполнения» небесных чертогов аргументирована активным участием спасённых в реальности окончательного восторжества – прославленные не остаются пассивны в своём поклонении, а сопричастны таинственному промыслу Творца. Окончательный триумф общины святых представлен в видении «стоящих пред светозарным престолом Владыки» (*Triod' Cvetnaja*, с. 286 на обороте), (греч. *φωτοφαής θρόνος του Δεσπότης*), – что придаёт эсхатологической перспективе ярко выраженный теофанический аспект: символика престола не только обозначает власть, но прежде всего являет славу Самого Творца.

Такое тематическое многообразие богослужебных текстов праздника отражает богословскую концепцию, согласно которой святость не ограничивается каким-то одним образом жизни или формой аскезы, но является общим христианским призванием. Любое жизненное состояние – от церковной иерархии до учительства, аскезы и жизни в мире – может стать путём святости, если совершается в единении со Христом в действии Святого Духа.

Завершение

Воскресенье Всех Святых в своём богословском измерении и литургической гимнографии раскрывает этот праздник как глубоко укоренённый во всей духовности и богословии Православной Церкви. Его размещение непосредственно после Пятидесятницы не является произвольным, а представляет собой логическое следствие учения о действии Святого Духа, который с дня Своего сошествия непрестанно ведёт общину верующих к всё более полному участию в жизни Божией. Этот день, являясь завершением пасхального периода и всего литургического цикла Триоди, указывает не только на историческую и эсхатологическую роль святых, но также на их актуальное присутствие и влияние в таинстве Церкви.

Гимнография этого дня, богатая образами и типами святости, постоянно напоминает о всеобщем призвании к святости, которое осуществляется не только в героизме великих канонизированных личностей, но также в анонимном свидетельстве веры каждого христианина. Молитвенные тексты, пронизанные духом пневматологии, приглашают к личному покаянию,

внутреннему обновлению и активному участию в жизни Церкви, ведя каждого верующего к конечной цели – единению с Живым Богом.

Литургически призываемое и празднуемое сообщество святых является одновременно образцом и реальной поддержкой на духовном пути всех верующих. Современное богословское размышление над этим праздником помогает вновь и вновь открывать его актуальность, показывая, что стремление к святости – являющееся плодом действия Святого Духа – остаётся центральным аспектом христианской жизни и глубочайшим смыслом существования Церкви.

Библиография

- Biblia Tysiąclecia. Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu.* (2000). Poznań: Pallottinum.
- Kowalczyk, M. (2009). *Uroczystość Wszystkich Świętych w nauczaniu Kościoła i polskich tradycjach ludowych.* „Tarnowskie Studia Teologiczne”, t. XXVIII/1, s. 93–118.
- Lukashevich, A.A. (2001). *Vseh Svjatyh Nedelja.* W: *Pravoslavnaja Enciklopedija*, t. 9, Moskva: Cerkovno-nauchnyj centr Pravoslavnaja Enciklopedija, s. 706–707.
- Nadolski, B. (1991). *Liturgika. Liturgia i czas.* t. II. Poznań: Pallottinum.
- Niedźwiecki, W. (2003). *Mały słownik liturgiczny.* Toruń: Toruńskie Wydawnictwo Diecezjalne.
- Ogólne wprowadzenie do Mszału Rzymskiego. Wprowadzenie do drugiego wydania Lekcjonarza Mszalnego. Ogólne normy roku liturgicznego i kalendarza.* (2022). Poznań: Pallottinum.
- Pismo Święte Nowego Testamentu,* (2023). Warszawa: Warszawska Metropolia Prawosławna.
- Plese, M. (2020). *Fasting Changes at the Turn of the Century.* [online] <https://fatima.org/news-views/pasting-part-7-fasting-in-the-1900s-pre-vatican-ii> [30.07.2025].
- Synaksarion Niedzieli Wszystkich Świętych,* tłum. ks. Henryk Paprocki. [online] <http://www.liturgia.cerkiew.pl/pages/File/docs/ynaksarion-39---swieci.pdf> [12.05.2014].
- Triod' Cvetnaja.* (2002). Moskva: Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi.
- Αγίου Λουκά, Αρχιεπ. Συμφερουπόλεως της Κριμαίας. (2002). Λόγος εις την ημέραν της εορτής των Αγίων Πάντων. W: *Λόγοι και ομιλίες που εκφωνήθηκαν στην Συμφερούπολη κατά την περίοδο 1955–1957*, t. Α', s. 269–272. Θεσσαλονίκη: ΟΡΘΟΔΟΞΟΣ ΚΥΨΕΛΗ.
- Ομολογητού Μαξίμου, Κεφάλαια περί αγάπης. Α' Εκατοντάς. W: *Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca*, red. J.-P. Migne, t. 90, Paris 1865, kol. 960–984.
- Παλαμά Γρηγορίου, Ομιλία ΚΕ'. Εκφωνηθείσα τη Κυριακή των Αγίων Πάντων. W: *Έλληνες Πατέρες της Εκκλησίας*, t. 10, Θεσσαλονίκη: Γρηγόριος ο Παλαμάς, 1985, s. 125–150.
- Παπαδημητροπούλου, Γ.Δ. (2002). *Με τους αγίους μας. Συναξάρια Τριωδίου και Πεντηκοσταρίου.* Αθήνα: Αποστολική Διακονία.
- Φουντούλης, Ι. (1984). *Λογική λατρεία.* Αθήνα: Αποστολική Διακονία.
- Χρυσοστόμου Ιωάννου, Εγκόμιον εις του αγίους πάντας τους εν όλω τω κόσμω μαρτυρήσαντες. W: *Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca*, red. J.-P. Migne, t. 90, Paris 1862, kol. 705–712.